

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНОГО МАКРОАНАЛИЗА

А.С. Ахиезер

АРХАИЗАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (на опыте России)

Общество, личность отвечают на кризисную ситуацию, на опасности, либо вырабатывая инновационные идеи, открывающие новые творческие возможности более эффективных решений, либо на основе возврата к старым ценностям, оправдавших себя в прошлом. Общеисторический смысл решений первого типа — повышение продуктивности собственной деятельности, позволяющей человеку поддерживать эффективность своих решений, своих шагов на уровне возрастающей сложности подлежащих формулировке и разрешению проблем. Смысл решений второго типа заключается в том, что усложнение проблем соответствующего субъекта не находит адекватного ответа в росте творческого потенциала. Субъект находится во власти исторического опыта, сложившегося в более простых условиях, и, следовательно, опирается на теперь уже неэффективные, неадекватные решения. Различие этих векторов решений, векторов развития культуры можно свести к дуальной оппозиции «ориентация субъекта на собственное воспроизводство в соответствии с исторически сложившимся идеалом — ориентация субъекта на воспроизводство на основе развития собственных способностей повышать эф-

Ахиезер Александр Самуилович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Адрес: 121614, Москва, ул. Крылатские холмы, д. 30, корп. 3, кв. 385.

Тел. (дом.): 413-55-79.

фективность своей воспроизводственной деятельности, искать новый, все более эффективный, идеал». Центром внимания субъектов, фокусом их (суб)культур в данном случае является отношение к собственному развитию.

1. Архаизация в исторических исследованиях

Архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Развитие не являлось их культурной ценностью. Архаизация имеет место в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности. «Чаяния огромных человеческих масс, как правило, вырываются из неосознанных психологических пластов — из глубоко традиционного, подчас даже инфантильного и архаического» материала [1]. Основная часть человеческой истории связана с архаичным догосударственным обществом, а послеархаичное общество, и особенно то, которое нацелено на развитие, прогресс, лишь тонкий налет на предшествующей истории. Архаизация это всегда попытка уйти от сложности медиации и вернуться к простоте господства инверсии. Это явление не выступает в чистом виде, но всегда хаотически смешано с достижениями последующего развития и может нести разрушительные последствия, масштабы которых могут расти при усложнении общества. Архаизация охватывает мысль, массовое практическое действие. Общество оказалось «зараженным» архаикой. Оно идет, «к рефеодализации... к архаике и архетипу, к анархическому индивиду» [2]. В советский период попытки анализа этой проблемы вступали в органическое противоречие с официальным идеологическим представлением о сути советского строя. Советский социализм официально рассматривался как проявление исторической необходимости революционного (инверсионного) перехода общества к следующей социально-экономической формации, однозначности вектора исторической необходимости. Признание же значимости архаизации требовало иного представления об истории вообще, и прежде всего иной концепции российской истории, иного отношения к якобы однозначности вектора исторической динамики. Тем самым лишалось основания представление о господстве в стране капитализма, даже среднеразвитого. Споры вокруг архаизации являются фактически продолжением споров еще в досоветский период между большевиками и их оппонентами — социалистами, утверждавшими, что Россия не созрела до «социалистической революции».

Полемика возобновилась на закате советского общества. В 50–70-х годах существовало так называемое «новое направление» в историчес-

кой науке [3]. Оно пыталась переместить центр тяжести исследований к сращиванию «передового» капитализма с его примитивными формами, с докапиталистическими укладами России. Эта школа показала, что государство вплоть до 1917 г. оказывало «определяющее влияние на деятельность частных коммерческих и ипотечных банков» [4]. То же обнаруживается и в отношениях государства и промышленности. Внимание ученых акцентировалось на различных формах зависимости «буржуазии» от государственной власти и противоречий во взаимоотношениях между ними. Болезненным для официальной идеологии было сомнение в безоговорочном рассмотрении крупной промышленности как очага капиталистического развития [3, с. 368].

Многие постсоветские авторы говорят о глубоких пластах архаики в российском обществе. В капитальной монографии Л.В. Милова говорится, что Россия выступает как «архаичный социум», в котором «был сохранен и архаичный защитный механизм общинного землепользования» [5]. Известный историк социологии Ю.Н. Давыдов, опираясь на М. Вебера, неоднократно писал о существовании двух типов капитализма: продуктивно-предпринимательского, основанного на этике сбережений и труде, индивидуальной инициативе и личной ответственности, и архаического, основанном на допотопном кулачном праве. В России сформировался капитализм второго типа [6]. Анализируя массовые мифы можно прийти к заключению, что именно здесь «мы сталкиваемся с идеями и представлениями, вырастающими» из глубочайшей архаики. Ибо за *идеями власти*, т.е. традиционного государства, *предусматривается образ рода* [7, с. 118]. Архаизация в советский период связана «с возрождением общины в крестьянской среде, составляющей 4/5 населения страны... общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества вплоть до самого последнего времени его существования. Он находил конкретное выражение прежде всего в системе ценностей и норм поведения, в стремлении к социальной справедливости...» [8].

В принципе, этот возрастающий интерес к архаизации российского общества — свидетельство существенного изменения ориентации общественной науки, выявляющей свою содержательную органическую несовместимость с теоретическим наследием большевизма. Архаика не достояние истории, она в нашей повседневности, значимость ее для современности лишь начинает осознаваться наукой.

Глубокие основы архаизации заключались в том, что в обществе на протяжении почти всей истории преобладали традиционный тип нравственности, в той или иной степени разъедаемый умеренным утилитаризмом. Люди отвечали на вызовы истории, в частности на попытки реформ, не на языке диалога, но скорее на языке насилия, бунтом, попытками сломить источники угроз, прежде всего государство, а также попытками уйти от угроз прямым бегством от власти государства, игнорированием попыток власти изменить массовое поведение, образ жизни и т.д., стремлением «не слезать с печи», отказом поддерживать власть, игнорировать ее, полагая, что «барин дурит», отказываться от платежей,

отключать от власти потоки ресурсов, противопоставлять государство первому лицу и т.д. Октябрьский переворот следует рассматривать прежде всего как массовую реакцию на предшествующую попытку власти насильственно сдвинуть схематизм нравственности к полюсу либерализма и развитого утилитаризма в противоположную сторону, т.е. в сторону архаичного традиционализма.

2. Архаизация в экономических исследованиях

Волны архаизации вызывались попытками экономических реформ. Архаизацию вызвала даже отмена крепостного права и последующие попытки расшатать общину. Общество вернулось к крепостничеству в форме военного коммунизма, а затем и сталинского тоталитаризма, доведя последний до неслыханных в истории форм и размеров. Масштабы архаизации, ее последствий определяются прежде всего значимостью в обществе ее носителей, их ответом на вызовы общества, заключающемся в резком возвращении к прежним ценностям. Таким носителем архаизации было прежде всего крестьянство России. Сельское население составляло в 1917 г. 85%. С 1868 по 1897 г. количество лиц, проживающих в городах, но принадлежащих к крестьянскому сословию увеличилось в 4,6 раза [9]. Исследования ментальности горожан показывают, что «городское (по статистике) российское общество имеет в значительной степени аграрный менталитет. Приоритетность продовольственного самообеспечения, негативное восприятие социального неравенства и купли-продажи земли, подозрительное отношение к иностранцам» [10]. Налицо историческая слабость городской культуры, городского образа жизни, городских ценностей, слабость в стране очагов интеллектуализации. Жизнь крестьянства исторически формировалась в родовых общинах, которые затем эволюционировали в территориальные. Эти люди никогда не знали индивидуальной частной собственности. Их образ жизни и повседневная хозяйственная деятельность протекала под непосредственным контролем общинного сознания, организации, общинного вечевого управления, сформировавшихся в условиях догосударственной жизни. Власть общины превращала крестьянина в крепостного локального сельского мира. В социокультурной основе государственного крепостничества лежала экстраполяция локальных культурных и организационных догосударственных форм на большое общество. Член общины не мог ее покинуть без разрешения. Столыпинская реформа начала века, позволившая крестьянину выйти из общины с землей, не увенчалась успехом, и власть над личностью сельского мира была восстановлена в советских колхозах. Важным аспектом архаичного традиционализма было преобладание негативного отношения к торговле, особенно к возможности ее превращения в определяющий экономический фактор жизни. Новые исследования показали, что российские монополистические синдикаты, которые, якобы, свидетельствовали о далеко зашедшем развитии капитализма, появились вовсе не в результате острой конкурентной борьбы, характерной для капитализма, а, наоборот, «в результате недостатка конкуренции или искусственного ее ограничения, посредством финансовой поддержки влас-

ти в условиях слабого развития производительных сил». По свидетельству Поликарпова, «признания этого качества монополизации в России было общим местом в дореволюционной литературе, но с 30-х годов о нем вспоминали все реже, не делая выводов для методики исторического анализа». Работы Гиндина, например, были направлены на «выявление архаических особенностей промышленного развития в связи с общей отсталостью страны» [3, с. 392–393, 361]. Он писал: «Изучение государственного вмешательства, искусственного ограничения конкуренции и создания правительством привилегированного положения для узких капиталистических групп приводит к выводу, что домонополистический капитализм в пореформенной России не принял до конца тех типичных для капитализма «свободной» конкуренции форм, в каких он сложился после промышленного переворота в странах, где капиталистический способ производства утвердился после буржуазной революции» [11]. В России сложилась «совсем другая монополистическая буржуазия, базирующаяся в конечном счете не на монополии нового типа, а на старой... "русской" сверхприбыли» [12]. Эти исследования опровергают миф о господстве капитализма в стране в досоветский период. Интересен вывод: «Самой яркой особенностью военной промышленности являлось то, что по своей организации и методам хозяйствования она устарела на десятки, а в иных случаях на сотни лет и действовала не на капиталистических, а на полуфеодальных и феодальных основаниях. Такие понятия буржуазной экономики, как строгий бухгалтерский учет, ценообразование, себестоимость, амортизация, прибыль, даже понаслышке не были известны самодержавным "хозяйственникам"... Никаким капитализмом в этом особом виде народного хозяйства уже совсем не пахло» [13], а также и другой вывод: «государственный капитализм... по существу, не являлся буржуазным» [14]. В сельском хозяйстве до 1917 г. «господствующим оставались полукрепостнические производственные отношения» [15]. Российский капитализм «уродец-мутант» [3, с. 379]. Мне представляется, что все вышеизложенные выводы позволяют понять специфику хозяйственных форм советского периода как систему «монополии на дефицит», которая могла сложиться в условиях раскола хозяйственной жизни [16]. Мифологическая волна, питаемая массовыми стремлениями сформировать общество, основанное на архаичной Правде, на уравнительной справедливости, туманила головы, не позволяя подготавливать реальные реформы на основе формирования новых знаний. Попытка игнорировать эти знания открывала путь действиям, провоцирующим архаизацию общества. Эти исследования также требуют качественного углубления самой концепции экономических реформ, на основе реальных представлений о их предпосылках.

3. Архаизация в социально-политической сфере

Архаизация переходит из формы культуры в форму массового социального поведения, массовой деятельности. Историк В.П. Булдаков [17], рассматривая то, что раньше называлось «победой социалистической революции», писал об «архаизации всей общественной структуры», о «по-

беде социальной архаики». Эти события автор рассматривает в свете необычной для современного читателя традиции, связанной с Великой смутой XVI в. Булдаков исходит из того, что «история не феноменологична, а мифологична. Слух, предрасудок, ложное представление в ней важнее реального факта, ибо любое событие остается в веках посредством коллективной памяти, которая и "пишет" историю — обычно вкривь и вкось. Приходится исходить из того, что реальность и вымысел составляют неразрывную ткань исторического бытия. В смутное время в особенности» [17, с. 9]. Автор определяет предмет исследования как «психоментальность» [Там же, с. 323] «Магическое, а не логическое по-прежнему определяло ход истории» [Там же, с. 245]. Движущей силой истории является не классовая борьба или экономический интерес, но конкретно-историческое содержание ментальности, культуры. Автор блестяще раскрывает плодотворность такого подхода для анализа исторического материала. Он пытается выявить духовный субстрат России. Россия рассматривается как крестьянская страна, где и город был пронизан крестьянскими образом жизни и ценностями. Булдаков сравнивает этапы российской истории по степени влияния архаики. Например, советская система была «куда архаичнее того, что ей непосредственно предшествовало» [Там же, с. 362]. Впервые вышла специальная монография, нацеленная на переосмысление катастрофы 1917 г. и одновременно на концептуализацию способности общества возвращаться эмоциями, умом и действиями к архаическим пластам культуры. Смысл истории В. Булдаков ищет в том, что гигантские массы людей — носителей архаичной психоментальности, попав в государство, в города, в сложный и опасный мир урбанизации, индустриализации и т.п., ведут себя неадекватно. Человек отвечает на неадекватность изменившегося мира своей (суб)культуры активизацией деятельности, возможно, на основе архаичных ценностей. Автор пытается концептуализировать это явление, апеллируя к психике значительных групп, рассматривая его как результат «психопатологии смуты», «социального умопомрачения» [Там же, с. 118]. Культурные основания современных этнических конфликтов рассматриваются как «отголоски древнейшей (племенной) формы» конфликтов [Там же, с. 10]. Булдаков последовательно проводит точку зрения на существование в России громадного, часто скрытого потенциала архаики. Например, «вопреки риторике лидеров, внутренняя психическая природа национализма настолько архаична, что ему неизбежно сопутствует обнажение самых темных сторон человеческой натуры» [Там же, с. 141]. «Этнические и национальные конфликты восходят к древнейшей (некогда единственной) трайбалистской форме социальной конфликтности» [Там же, с. 142]. Активизация групп, значительных масс людей приводит к массовой смуте, к массовому насилию, о чем автор пишет неоднократно. Он говорит о том, что результат революции связан с укреплением позиций общины [Там же, с. И]. Булдаков считает, что «революция всего лишь извержение первозданной депрограммированности человека, который не обрел способности к достойному самовыражению» [18, с. 362]. «В низах воцарилась дичайшая анархия, лишенная всех сдерживающих начал» [17,

с. 229], разруха и вандализм [Там же, с. 227], «всеобщий развал, ставший подобно природному бедствию» [Там же, с. 244]. То, что в России называли революцией, в действительности оказалось бунтом архаики, нацеленным на укрепление пошатнувшегося общинного и государственного крепостничества. Трактовка автором революции означает, что общепризнанное в советское время ее понимание как политического и социального переворота, ведущего в России от устаревшей, реакционной системы к прогрессивной, к новому справедливому порядку жизни, заменяется на прямо противоположное, т.е. на определение революции как взрыва архаичных древних ценностей, разрушающих более продвинутое общество, уничтожающих силы, ведущие к нему. «Революционный порыв на глазах оборачивался всеми мерзостями запустения, включая зловоние от нечистот» [17, с. 227]. Насилие, связанное с архаизацией, неотделимо от хаотизации, дезорганизации общества. Всеобщая распространенность насилия создает в определенных группах представление о его самоценности, что превращает насилие в повседневный элемент образа жизни. Возникает феномен «личного садистского самоутверждения с помощью насилия... В гражданскую войну и у красных, и у белых появилась масса "атаманов", отнюдь не пополнявшая собой «зеленое» воинство, но близкое ему по духу партизанщины. Фактически, это были просто люди, ставшие палачами, а вовсе не идейные борцы с кем бы то ни было. Для людей, внутренне жаждущих порядка вообще, революция низов представлялась тем звериным хаосом, который следовало уничтожить, не считаясь ни с чем» [Там же, с. 238]. Архаичный человек, попавший в большое общество, в момент кризиса замечает отношения, специфические для большого общества, отношениями между догосударственными локальными мирами. Здесь возможно все, вплоть до возврата к первобытному геноциду. Булдаков говорит о законе саморазвития хаоса [Там же, с. 172], который описывается через дуальную оппозицию двух форм насилия: как элемента архаизации, так и борьбы с ней. Насилие архаичной массы переходит в насилие власти, пытающейся восстановить государство. В обществе, которое несет в себе сильный потенциал архаики и одновременно пытается быть современным, формирование власти крайне затруднено. Автор отмечает, что крестьяне обладают способностью самоорганизации власти на нижнем уровне общества. Однако утопично распространять эту способность на все общество. Отсюда само формирование государства превращается в хаотический, террористический процесс. Все это, однако, не снимает необходимости решения загадки, сформулированной еще Бердяевым, т.е. формирования государственности в стране с низким уровнем государственного сознания. В этой связи чрезвычайно интересен анализ отношения крестьянства к власти, что раскрывает весьма специфические условия для самоорганизации общества. Государство существует в атмосфере массового ожидания чуда сотворения порядка, магического удовлетворения всех массовых экспектаций, ближайших нужд [Там же, с. 344]. Такой подход к государству открывает его древние культурные основания, носящие в значительной степени тотемический характер, т.е. государство, первое лицо рассматривается как некоторый

тотем. Его можно менять в зависимости от его способности выполнять ожидаемые функции. Это отношение к государству не предусматривает деятельной ответственности людей за повседневное его воспроизводство. Государство понимается крестьянами не как сила общества, а как существующее само по себе, оно может быть плохим или хорошим, независимо или почти независимо от общества. В таком массовом неадекватном для государства отношении к нему следует искать причину его слабости. В связи с этим нельзя не согласиться, что и сегодня российская государственность стоит перед проблемой своего сосуществования с охлократией. «От того, как она разрешится, и зависит будущее России — не исключено, что до очередного витка смуты» [17, с. 367]. По мнению Булдакова, «и в прошлом и настоящем динамику кризиса в России определяет не осознанная борьба интересов, характерная для западной политической культуры, а все то же привычное стремление массы к воссозданию "своей" — неясно какой, но не бюрократической бездушной власти. Непонимание этого западническими квазиэлитами в России неумолимо сталкивает их на обочину современной политики» [Там же, с. 370]. Автор пишет, что главная драма власти развивалась в «неполитическом измерении» [Там же, с. 106] (лучше — в дополитическом). Здесь содержится мысль о специфике массового архаичного поведения, которое руководствуется не столько интересами, сколько ценностями. Разным этапам истории сложности общества соответствуют разные уровни культуры, соотношение между которыми должно рассматриваться культурологическими методами. Оттесненные на задний план сгустки опыта несут в себе древние программы, которые могут выйти в бой за возвращение своего господства в обществе в условиях кризиса новых культурных программ.

4. Диалог и архаизация

Опыт российской архаизации приобретает разные формы. Она может принять форму пугачевского бунта, массового погрома в имя уравнительности — против государства, которое реально или мнимо ответственно за разрушение уравнительности. Она может принять форму архаизации культуры отдельных элитарных групп, включая правящую элиту, что может проявляться в том, что, следуя массовым народным мифам, может попытаться сформировать авторитарную или даже тоталитарную власть отца или, наоборот, развалить общество на основе модели «братской семьи», где решения принимаются съездом авторитарных глав регионов, ведомств и т.д. Столкновение архаизации со стремлением к реформам, к прогрессу создает картину конфронтации, раскола общества. Эта картина по методологии анализа и по сути существенно отлична от концепции классовой борьбы в России. Столкновение классов изображалось как непримиримая конфронтация корыстных интересов, кровавая борьба за копейку, за возможность одних жить за счет других, за власть, которая обеспечивала утверждение и сохранение такого порядка. Тем самым по сути воспроизводилась манихейская модель абсолютной борьбы двух космических сил — добра и зла. Столкновение архаизации и прогресса происходит прежде

всего между культурными ценностями, формами образа жизни, отличающимися друг от друга прежде всего ориентацией на статику и динамику. Единственное кардинальное средство против подобного рода негативных явлений — усиление в обществе диалога, развитие диалогизации как системы определенных отношений, а также (суб)культуры, зависящее от развития соответствующих институтов, от особенности расколотых элементов общества принимать общие решения. Недостаточное развитие диалога создает условия для господства архаичной культуры, сокрушающей при своей активизации иные формы культуры, прежде всего несущие ориентацию на прогресс. Россия пошла именно по этому пути. Отношение между реформой и архаизацией могло носить характер взаиморазрушения. Тем не менее оно не исключало определенного взаимопроникновения, т.е. превращения деятельности реформаторов, которые, уступая народному сознанию, отступают от либерализма. Это проявлялось, например, в использовании для реформы авторитарных методов. Одновременно архаизация все менее выступает в чистом виде, но пронизывается и, возможно, разъедается утилитаризмом. Вероятно, это можно расценивать как определенное сближение этих расколотых, противостоящих форм культуры. Тем не менее в России эти процессы не приобрели форму и степень, которые бы создали состояние диалога, ведущего к синтезу, не преодолели разрушительные формы раскола, не создали условия для синтеза, открывающего путь реальному экономическому развитию. Эти процессы ограниченного взаимопроникновения расколотых форм культуры создают условия для формирования гибридных форм культуры, для формирования искусственных мифов (идеологии), что распространено в России, в частности, в форме большевистской идеологии, мифологизации науки [18]. Существование архаики объясняется ее «консервацией», «слабой затронутостью» «природного и социального космоса цивилизующим воздействием» [7, с. 23]. Однако в обществе, где господствуют национальные интересы, складывается социокультурный механизм противостояния волнам архаичного угара. «Система национальных интересов — структура иерархизированная. Это принципиально важное положение входит в конфликт с установкой архаической ментальности» [Там же, с. 206]. Задача иерархизации «распадается на множество отдельных интересов», которые выстраивают единое целое [Там же, с. 212]. Система интересов это одновременно и система институтов, связанная с институционализацией интересов. Она создает бастионы для бушующих волн архаики. Но решение этой задачи лежит в сфере направленности динамики общества, перехода на новый этап развития, формирования устойчивого среднего класса гражданского общества. Таким образом, исследования формирования решения включают рассмотрение связи решений и механизма изменения отношений. Особый интерес в этом контексте представляет связь развития государства, дифференциации и динамики большого общества, что включают и развитие интеллектуального мышления. Этот процесс связан с необходимостью развития способности выходить за рамки эмоциональных форм отношений, общения людей через абстракции: государство, общество, право, деньги и т.д. Среди форм, организующих общество, создающих препятствия для

волны архаизации, могут быть названы органы местного управления, которые должны быть не только институтами, воплощающими местные интересы, но и инструментом диалога между местными интересами и институтами, воплощающими интересы целого. Между тем за последние пять лет количество органов местного самоуправления сократилось в стране в три раза [19]. Снижение уровня дезорганизации, хаоса в большом обществе возможно лишь в процессе оттеснения мифологии на задний план общества, культуры. Но это, как и формирование соответствующих институтов, возможно лишь на основе массового развития критики исторического опыта, прежде всего критики ограниченности культуры, мифологии, господствующих нравственных идеалов, инверсии. (О критике исторического опыта [см. 16].) Только в процессе рационализации господствующей культуры, развития и массового освоения абстрактного мышления возможно развитие и укрепление государственности. Если первое лицо в государстве, правящая элита позволяли нести себя мифологическим волнам в пропасть войны, бросаться в утопические авантюры, то кроме высокой вероятности поражения, возможности национальной катастрофы создаются предпосылки для воспроизводства архаичной мифологии как основы для последующих массовых решений. При этом, например, война не осмыслялась в своих сущностных характеристиках за рамками эмоциональных представлений, не достигалось понимание возможности ее разрушительного воздействия на выживаемость. Это значит, что имел место длительный устойчивый дефицит критики исторического опыта, что способность развивать культуру катастрофически отставала от потребности принятия все более эффективных решений. Это означает, что в условиях охвата общества мифологической волной все явления описываются через имитацию логики мифа. Это хорошо видно на примере «нового направления», которое как раз и противопоставило язык и логику науки большевистским попыткам мифологизировать, демонизировать российский капитализм, описать его по архаичным схемам. Погружение русской интеллигенции в народную мифологию, хотя и преобразованную в псевдонаучную, псевдорациональную форму, не позволяло ей выполнять центральную функцию субъектов интеллектуального труда, т.е. реализовывать критику исторического опыта народа, общества, государства, оттеснять массовые мифы, прокладывая путь к диалогу с народом на основе все более глубокой культуры, с тем, чтобы крупница за крупницей оттеснять на задний план опыт, приводящий к росту дезорганизации, катастрофам. На Западе эту роль в значительной степени исторически играл диалог центров власти, прежде всего высшей государственной, и центров духа, т.е. прежде всего церкви. В этот диалог постепенно втягивалась часть народа. Наша интеллигенция не восполнила отсутствие этого механизма в России. Вместо этого значительная ее часть, опираясь на архаичную манихейскую традицию, пыталась превратить критику культуры в языческую по своей сути критику людей власти, критику государственной власти как таковой. Слабость критики исторического опыта создавала свободное поле для смертоносных вихрей архаики, дезорганизующих большое общество, ведущих от одной катастрофы к другой. Выход заключается в переходе к нацио-

нальному государству, гражданскому обществу, к господству в обществе либеральных ценностей, нацеленных на преодоление власти архаики. Этот процесс уже давно идет в России, приобретая также неполитические формы, формы нравственности [20]. Значимость в русской культуре эмоциональных механизмов приводит к тому, что анклавы развития либеральной культуры складываются прежде всего в литературных формах, в развитии художественного виденья. В культуре формируются фокусы либерально-модернистской культуры, например, в форме гуманизации, секуляризации культуры, развития лирики как формы коммуникации и диалога, рационализация культуры, сакрализация эффективного предпринимательства и богатства и т.д. Другим процессом, выводящим культуры, противостоящие в конечном итоге архаизации, было развитие утилитаризма [21]. Россия подвергается сокрушительным ударам однообразных конвульсий архаической инверсионной культуры, которая в большом обществе, в государстве в условиях неразвитого диалога ослепляет разум и ослабляет творческий потенциал, что порождает дезорганизацию, опасность сползания к катастрофе. С другой стороны, идет процесс, ведущий к оттеснению инверсионных ритмов, развитию способности формировать решения, отвечающие изменяющимся условиям, средствам и целям усложняющегося мира. Однако, и это крайне важно, потенциал инерции архаизации, ее энергетическая база в обществе значительно больше, чем потенциал роста либерально-модернистской культуры. Это указывает на скрытый источник серьезной опасности для России, угрожающей снижением эффективности решений, определяющих саму выживаемость общества. Рассмотрение архаизации как важнейшей характеристики исторического процесса, механизма динамики общества требует серьезного сдвига в методологии анализа динамики общества. В первом приближении можно говорить о необходимости рассмотрения общества как дуальной оппозиции противоположно направленных процессов: 1) направленного на повышение способности эффективно воспроизводить выживаемость, жизнеспособность общества и 2) ослабляющего способность эффективного воспроизводства, в данном случае архаизации, угрожающей возрастающей дезорганизацией, возможно, перерастающей в катастрофу. Внимание исследователя перемещается не на односторонний анализ одного из этих процессов, но на соотношение *между* ними, на переход, на поиск меры, синтеза этих противоположных процессов, на взаимопроникновение, взаимоотталкивание, что только и может обеспечить выживаемость. Этот подход дает основу для бесконечной конкретизации этой сферы «*между*», формирования смыслов, которые ее заполняют, все более эффективной программы воспроизводственной деятельности. Это требует развития социокультурной методологии исследования общества, которая нацелена на выдвижение в качестве фокуса исследования процессов напряженного поиска *между* противоположностями эффективной деятельности, решений, воплощение которых обеспечивает необходимый уровень обеспечения выживаемости [22]. Двойственность, противоречивость предмета не следует расценивать, описывать через виновность одной стороны и невиновность другой, в представлениях манихейства. Причины конфликтов,

подчас разрушительных, лежат не в самом факте существования в обществе качественных различий в векторах направленности, но прежде всего в недостаточном культурном развитии общества, особенно недостаточного развитии ценности диалога, недостаточной способности искать на основе развития культуры и организационных форм диалога, искать пути предотвращения опасностей дезорганизации, катастроф, пути использования специфических ценностей разных процессов для жизнеутверждающего синтеза. Следует признать, что социологическая наука не занимает должного места среди наук, занятых архаизацией. Тем самым сохраняется брешь в изучении проблемы «в каком обществе мы живем».

Литература

1. Рашковский Е.Б. На оси времени: Очерки по философии истории. М., 1999. С. 153.
2. Федотова В.Г. Анархия и порядок. М., 2000. С. 23, 26.
3. Поликарпов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996.
4. Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 230.
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564, 571.
6. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С. 487 и след.
7. Яковенко И.Г. Российское государство: Границы, перспективы. Новосибирск, 1999.
8. Данилов В.П. Падение советского общества: Коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? М., 1999. С. 13.
9. Вишневецкий А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 83.
10. Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях: Сб. М., 1996.
11. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства: (1861-1892). М., 1960. С. 407-409.
12. Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. 1966. № 3. С. 58, 60–61, 63.
13. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России: Конец XIX в.-1914 г. М., 1992. С. 28–29.
14. Гиндин И.Ф., Тимошенко В.В. Многоукладность в социально-экономической структуре России конца XIX – начала XX в. // Экономические науки. 1982. № 2. С. 65.
15. Анфилов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 162.
16. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991. 2-е изд. Новосибирск, 1997–1998.
17. Буддаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
18. Ахиезер А.С. Россия — большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.
19. Михеев С. Муниципалитеты у губернаторов не в почете // НГ — Регионы. № 2. 1999.
20. Давыдов А. П. «Духовной жаждою томим»: А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. М., 1999.
21. Массовый утилитаризм как импульс динамики общества // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
22. Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствованиями: (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1995. № 12; 1998. № 2; 1999. № 8.